

УДК 111

А. А. Ивакин

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии

Национального университета «Одесская юридическая академия»

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРЕДТЕЧИ УЧЕНИЯ О НООСФЕРЕ

Анаксагор и Платон

Если согласиться с тем, что учение о ноосфере – это учение о человечестве в его должном состоянии, то есть в состоянии соответствия его своей сущности, то учение о ноосфере – это несомненный преемник учения Платона об идеальном (разумно устроенном) государстве. Ведь Платон изучал государство не ради самого государства, а для того, чтобы в нём изучить такие человеческие потребности и притязания (права), которые не могут проявить себя в человеке, рассматриваемом изолированно от общества. Таким образом, учение об истинном бытии мира и человечества в той или иной мере связано с учениями об истинном государстве.

Известно, что Сократ, прочитав работу Анаксагора, был ею восхищен и в то же время разочарован. Восхищенный идеей существования Нуса, управляющего всем миром, Сократ, однако, не увидел в работе Анаксагора того, каким образом этот верховный Ум добивается закономерных, справедливых (благих) результатов. Он остался недоволен тем, что не нашел в философии Анаксагора объяснений того, что его горячо интересовало: мира человека, состоящего не из частиц-гомеомерий, а из блага и зла, справедливости и «беспредела», красоты и безобразия.

Размышляя над проблемами ноосферы, я всегда ловлю себя на том «странном» чувстве, что всеми силами стараюсь объяснить не какому-то абстрактному собеседнику и читателю, а именно Сократу, в чем состоит титанический труд открытого Анаксагором Нуса (Ума), направленный на сохранение гармонии Космоса, а значит – и человеческой жизни. Поскольку гармония – это атрибут (основное, неотъемлемое свойство) бытия и любой его части, то сохранение гармонии Космоса и Социума – это сохранение их бытия. Внешне этот процесс выглядит как процесс самосохранения, однако современное нарастание и обострение глобальных проблем человечества показывает, что это не так: сами по себе эти проблемы не разрешаются, для их положительного решения требуется максимальное и массовое подключение человеческого разума, на что в свое время неустанно обращал внимание В. Вернадский. Таким образом, созидание сферы разума (ноосферы) возможно только с помощью интенсивной деятельности Разума.

Начало такой деятельности следует искать уже в идеях первых создателей философии, или изначальных философов, как их называл М. Хайдеггер. Однако для этого нужно хорошо понимать, что термины Фалеса, Анаксимандра, Гераклита и подобных мыслителей нельзя понимать буквально, в них следует отыскивать прежде всего их *логическую* составляющую: в «воде» Фалеса – «одно, которое есть всё», в «огне» Гераклита – не тлеющий или максимально разгорающийся пожар, а периодически уменьшающуюся и возрастающую степень разумности бытия и так далее. Правда, чтобы «уловить» эту содержательную логику, зачастую приходится достаточно серьезно дистанцироваться от времени жизни мыслителя и стараться «соединить» его выводы с фактами и эмпирическими обобщениями современных интерпретаторов науки и практики. Действительно, большое видится на расстоянии.

Что же именно, какие новые знания могли бы помочь нам по-новому взглянуть на мировидение и миропонимание великого Анаксагора, обогатить и конкретизировать его философские идеи? Я уверен, что по-новому осмыслить Анаксагоров принцип «всё во всём» поможет нам феномен отражения.

«Всё во мне, и я во всем!» – философская душа Ф. Тютчева в этом изречении стремится соединить Анаксагора с хорошо знакомыми поэту немецкими философами. Однако

поэт восторгается, не доказывая. А вот М. Хайдеггер в своем знаменитом докладе «Вещь» берет какую-то обыкновенную чашку (ну ладно, чашу) и доказывает, что, глядя на нее с позиций отражения всего во всем, мы можем изобразить весь мир: «В подношении чаши для питья *преобладают по-своему* (здесь и далее полужирный курсив внутри цитат мой – А. И.) смертные. В подношении чаши для возлияния *преобладают по-своему* божества, принимающие дар подношения как дар жертвоприношения. В подношении чаши всякий раз *по-своему преобладают* смертные и божества. В подношении чаши преобладают земля и небо. В подношении полной чаши *одновременно* (курсив М. Хайдеггера – А. И.) преобладают *земля и небо, божества и смертные*. Эти четверо связаны в своем изначальном единстве взаимной принадлежностью. Предшествуя всему присутствующему, они сложены в простоте единственной четверицы. В подношении полной чаши преобладает односложность четырех» [1, с. 321].

Таким образом, «всё во всём» существует не буквально-материально, а идеально, в отраженном виде. М. Хайдеггер показывает, что вещь есть тело бытия, наполненное огромным смыслом. Материя нужна как плоть для воплощения смысла, мысли, идеального. Так, о Земле он говорит: «Земля растит и носит, питая, плодит, хранит воды и камни, растения и животных» [1, с. 323].

А мне хочется добавить к этому, что вместе со всеми этими носимыми и хранимыми ею вещами Земля есть собрание *событий* всего Космоса. Земля в этом смысле – «показательная» вещь (и в смысле «характерная», и в смысле «показывающая»). Анализируя геологические и космологические факты и события, ученым и философам предстоит еще разобрататься, каким образом Логос создаёт такие уникальные «плодоносные» и «сохраняющие» планеты, как наша Земля (ведь это наверняка очень сложная, продолжительная и многоходовая процедура).

Любая вещь символична (как считает А. Лосев), она идеально содержит в себе все остальные вещи. *Вот где он – подлинный, идеально-материальный, а не гомеомерно-материальный смысл Анаксагорового «всё во всём».*

М. Хайдеггер писал: «Земля и небо, божества и смертные, сами собой единые друг с другом, взаимно принадлежат друг другу в односложности единой четверицы. Каждый из четверых по-своему *зеркально отражает* существо остальных. Каждый при этом по-своему *зеркально отражается* в свою собственную суть внутри односложности четверых. Эта *зеркальность* – не отображение какого-то изображения. *Зеркальность*, освещая каждого из четверых, дает их собственному существу сбыться в простом вручении себя друг другу. В этой своей осуществляюще-высвечивающей *зеркальности* каждый из четырех играет на руку каждому из остальных. Осуществляюще-вручающая *зеркальность* отпускает каждого из четверых на свободу его собственной сути, но привязывает свободных к односложности их сущностной взаимопринадлежности» [1, с. 324].

Сколько раз я перечитывал эти слова! При этом, кроме обретения всё большей глубины их содержания, я всякий раз все больше убеждался в том, что М. Хайдеггер – настоящий поэт. Однако если Ф. Тютчев – это философствующий поэт, то М. Хайдеггер – это философ, поэтизирующий всё бытие.

Вернемся, однако, к Анаксагору. У меня ни одна его идея не вызывает раздражения, поскольку, как я уже сказал выше, их нельзя воспринимать буквально, поэтому проблемы, решаемые этим замечательным философом, я стараюсь увидеть по-своему. По-своему – это с учетом высказываний критиков и комментаторов Анаксагора и с уче-

том доступних мне современных знаний. Для меня важна *содержательная логика* анаксагорских размышлений, а не само содержание, которое носит преходящий характер.

Исходя из первенствующего значения именно логики содержания, а не самого содержания, хотелось бы взглянуть иначе не только на смысл гомеомерий, способных к бесконечному делению, но и на другую важнейшую идею Анаксагора – идею Нуса (Ума), который, по мнению Анаксагора, способен делиться до бесконечности, однако, в отличие от всех других вещей, не смешивается ни с чем иным, кроме самого себя.

Мне кажется, что Анаксагоров «Нус», в принципе, подобен Платоновой «идее». Во-первых, оба не материальны, а идеальны. Во-вторых, несомненна качественная тождественность друг другу любых идей (быть смыслом и эталоном вещи и ее действия). В-третьих, идеи присутствуют всюду, они не смешиваются с не-идеями. В-четвертых, вездесущие идеи способны к возрастанию, причем не только количественному, но и качественному, знаменуя своим восхождением от низшего к высшему возрастание эффективности способа идеального (и одновременно материального) отражения вещи окружающей её среды.

Я в своих публикациях постарался обратить внимание читателя на важность различения взаимосвязанных терминов «идея» и «эйдос», заключающегося в том, что если идея – это смысл и эталон вещи, то эйдос – это идея в различной степени её воплощения (материализации) [2]. Такое различение дает возможность фиксировать и решать внутреннее противоречие между идеальной душой-монадой и её материальной «оболочкой». В контексте осмысления и интерпретации поведения Нуса в мировоззренческой картине Анаксагора мы можем сказать, что эйдос космических тел, образовавшихся в процессе рассеивания и сгущения атомов и вращающихся друг вокруг друга, постоянно возрастает, переходя от эйдоса литосферы к эйдосу порождаемой ей биосферы и, наконец, к эйдосу порождаемой биосферой ноосферы.

Попутно хочу заметить, что в данном случае, логически объединяя «нус» Анаксагора с «идеями» Платона, я конкретизирую также содержание процесса ортогенеза в учении П. Тейяра де Шардена.

В процессе такой конкретизации я не только с помощью категории «идеальное» объединяю понятия П. Тейяра де Шардена «радиальная энергия», «психическое» и «сознание», но и попутно обращаю внимание на то, что сам применяемый им термин «литосфера» нельзя признать удачным, прежде всего потому, что «литос» – это камень, а П. Тейяр де Шарден словом «литосфера» объединяет не только различные камни (минералы и горные породы), но и воду, газ, то специфическое состояние вещества, какое характерно для мантии и ядра планеты, то есть всё добиосферное, неживое. Поэтому я с пониманием отношусь к предложению В. Ожерельева заменить тейяровский термин «литосфера» термином «синергосфера», тем более что последний несет в себе ценную идею важной роли в добиосферном состоянии нашей Земли совместных и совокупных вращательных усилий самой планеты, ее спутника (Луны), Солнца и всего космоса в целом. Дело в том, что эти многократные вращательные усилия производят, как доказывает в своей работе В. Ожерельев [3], своеобразную сепарацию вещества нашей планеты, создающую условия возникновения биосферы.

Итак, выражаясь словами Анаксагора, Нус (то есть Разум) в процессе эволюции постоянно возрастает, и возрастает его управленческая функция; однако поскольку для любого управления необходимы цель и способность всей совокупности вещей выполнять в системе космоса свои функции, то управленческая сила минимального нуса и максимального Нуса сливаются в одну систему, обеспечивая единую по смыслу деятельность друг друга. Их совместная управленческая функция – создавать и обеспечивать соревновательность эйдосов всего сущего в эффективности способов отражений окружающей среды, в результате которой путем отбора рождаются все более «чистые зеркала», вплоть до

слияния их с Максимальным Нусом, то есть с высшим Разумом Вселенной.

И вот именно эту постоянную повторяемость *вечного* становления, *вечного* «подпитывания» Абсолютного Духа [4, с. 183], *вечно* рождающего Космос и его гармонию, создает *вечный* Логос, обеспечивающий единство относительной и абсолютной бесконечности бытия, то есть «малой», *вечно* становящейся ноосферы и Ноосферы «большой», ставшей. У кольца нет конца! И если вечность демокритовской атомарной материи проблематична, то вечность материи, до бесконечности делимой и насыщенной, управляемой разумом, то есть вечность ноосферы, – это, на мой взгляд, абсолютная истина, к которой нам, правда, предстоит еще привыкать и привывать.

Итак, начало движения к построению адекватной картины мира как сложнейшей (и в то же время простейшей в силу ее мудрого устройства) системы положили Анаксагор и Платон, при этом подходу к решению этой проблемы с совершенно разных, казалось бы, концов. Интуиция этих гениев сначала кажется совершенно невероятной, однако если подумать хорошенько, то можно увидеть, что в основе их интеллектуальных построений, как и в основе вообще всего гениального, лежит достаточно простая мысль: такими сложными системами, как государство, а тем более космос, может управлять только разум. Скажем иначе: бытие очень сложных систем не может быть стихийным, автоматическим, основанным на совокупности слепых случайностей.

Хочу добавить еще несколько важных, на мой взгляд, слов в адрес Платона. Я совершенно уверен в том, что он, в отличие от своего незабвенного учителя Сократа, достаточно внимательно и с пониманием проштудировал работу Анаксагора, так как свою схему идеального государства (и души человеческой) строил, как известно, по образу и подобию строения космоса. И хотя главным действующим лицом практически всех диалогов Платона выступает Сократ, это явно другой Сократ – как бы перевоплотившийся в своего талантливейшего ученика и увидевший и исправивший свою главную ошибку: невозможно понять, в чем состоит благо и счастье человека, в отрыве его от космоса, в лоне которого он возникает и живет.

Выше ни слова не было сказано о Гераклите, однако надо понимать и помнить, что без его грандиозной диалектической картины мира невозможны были бы ни Анаксагор, ни Платон, а также все остальные философы. Однако понимание Логоса Гераклитом было еще достаточно абстрактным и требовало решения проблемы того, что же именно должен делать человек, если он даже согласится с требованием великого диалектика нацелить себя на безусловное следование Логосу. И благодаря всем создателям основных предпосылок учения о ноосфере и самого учения мы сейчас уже начинаем понимать, что соответствие человека требованиям Логоса заключается не в простом бездумном существовании, а в разумном строительстве разумного общества на основе созидания себя истинным человеком.

Анри Бергсон

Можно сказать, что выдающийся французский философ А. Бергсон, как и К. Маркс, совершил попытку обратиться к проблеме обмирщения философии, однако при этом, в отличие от К. Маркса, расширил понятие мира далеко за пределы социума. А. Бергсон открыл тождество развивающейся природы и отражающего это развитие научного познания, чем положил начало целому научно-философскому направлению, которое мы называем сейчас учением о ноосфере. Термин «ноосфера» был предложен одним из последователей А. Бергсона – Э. Леруа. Надо сказать, термин оказался очень удачным, потому что соединил современность с античным гением Анаксагора.

То, что наметил Г. Гегель в описании траектории развития Духа, достаточно обоснованно и популярно выразил в своих речах и письменных трудах А. Бергсон. Он получил возможность совершить это, уже имея в своем распоряжении блестящие открытия биологии второй половины XIX – начала XX веков, полученные ею неоспоримые факты и

предварительные, но весьма проницательные эмпирические обобщения.

В 1927 году А. Бергсону была присуждена Нобелевская премия по литературе, в тексте обоснования которой сказано: «В признание его богатых и оживляющих идей и превосходного мастерства, с которым они были представлены». «Богатые и оживляющие идеи» – это уже не литература, а философия. Причем слово «оживляющие» я бы связывал не только с тем, что феномен жизни находился в центре внимания А. Бергсона, но и с тем, что он действительно оживил те подзабытые идеи философии, которые тесно связывали философскую мысль с Природой. Натурфилософы античности – вот кто был оживлен выдающимся французским философом.

А. Бергсон так начинает свою книгу «Творческая эволюция»: «История развития жизни при всей своей нынешней неполноте уже намечает нам путь, который привел к установлению и организации интеллекта. Это был непрерывный прогресс вдоль ряда позвоночных, кончая человеком. В нашей способности понимать мы видим просто прибавление к нашей способности действовать, все более точное, сложное и гибкое приспособление сознания живых существ к данным условиям их существования. Отсюда следует, что наш ум, в узком смысле слова, имеет целью обеспечить нашему телу его пребывание в среде, представить отношения внешних вещей между собой, наконец, постигнуть материю мыслью» [5, с. 8]. И я готов подписаться под каждым словом этого высказывания, за исключением не очень точного выражения «способность понимания дополняет способность к действию». Почему я назвал это выражение не очень точным? Потому, что оно может создать впечатление, что до появления человеческого интеллекта в живом мире существовала лишь способность к действию без какого-либо понимания необходимости этого действия.

Далее А. Бергсон пишет: «Это значит, что теория познания неотделима от теории жизни. Теория жизни без критики познания вынуждена принять предлагаемые ей разумом воззрения таковыми, как они есть. Независимо от ее желания она может только заключить факты в заранее готовые рамки, признаваемые ею окончательными. Она, таким образом, получает символизм, удобный, может быть, даже необходимый для положительной науки, но не полное созерцание своего предмета. С другой стороны, теория познания, не указывающая место разума в общем развитии жизни, не может объяснить, как образовались границы познания и каким образом мы могли бы расширить их либо выйти за их пределы. Исследование по теории познания и по теории жизни должны соединиться вместе; они тогда будут бесконечно двигать друг друга вперед. Соединение этих двух теорий может разрешить великие проблемы философии более верным и более близким к опыту методом» [5, с. 12].

А. Бергсона, несомненно, следует отнести к выдающимся онтологам, поскольку после него эволюционный процесс уже не сможет исчезнуть из мировоззренческой модели бытия: будучи органично переплетенным с появлением и становлением человеческого интеллекта, он стал абсолютно необходимым, то есть стал тем, чем и является на самом деле – атрибутивным элементом Бытия.

Для упрочения этого тезиса мне хотелось бы подчеркнуть, что выражение «теория познания», к которой прибегает А. Бергсон, ни в коем случае не сводится к тому, что обычно называют эпистемологией, речь идет прежде всего о «теории познания *бытия*».

У А. Бергсона имеется такой афоризм: «Философ должен идти дальше ученого». Есть, однако, в философском мировоззрении самого А. Бергсона нечто, что мешало ему следовать этой замечательной познавательной максиме. Так, известно, что он, как и Спиноза, получил серьезное религиозное образование, затем, опять-таки подобно Спинозе, в юном возрасте разочаровался в религии и отошел от нее, однако, в отличие от Спинозы, признававшего наличие Бога (Природа-Бог), обладающего атрибутами протяженности и мышления, А. Бергсон не почувствовал необходимости в Абсолюте. Считаю, что такая философская позиция сильно ограничива-

ет возможности мыслителя. Именно поэтому, на мой взгляд, А. Бергсон не считал возможным предугадывать, в каком направлении может развиваться природа. «Не может быть и речи о том, чтобы предвидеть новую форму», – постоянно повторял он. То есть он отрицал существование в природе какого-либо канала эволюции. Как радикальный механицизм, так и радикальный телеологизм казались А. Бергсону односторонними крайностями: «Такова философия жизни, к которой мы примыкаем. Она надеется дать больше, чем учение о механической причинности и целесообразности; но, как уже сказано, она ближе ко второму из этих учений, чем к первому. <...> Как и учение о целесообразности в его крайней форме, хотя в менее резкой форме, наша философия представляет органический мир как гармоническое целое. Но эта гармония далека от того совершенства, о котором обыкновенно говорят. Она допускает много отступлений, так как каждый вид и даже каждый индивид получает от целого импульса жизни только некоторый порыв и стремится использовать эту энергию к своей собственной выгоде; в этом и состоит приспособление. Вид и индивид думают, таким образом, только о себе, – отсюда возможность конфликтов с другими формами жизни. Гармония существует не фактически, а скорее как право. <...> Гармония, или «дополнительность», обнаруживается только в общем и больше в тенденциях, чем в состояниях. А главным образом (и в этом пункте учение о целесообразности сделало свою грубейшую ошибку) гармония находится не столько впереди, сколько позади. Она зависит не от общности стремления, а от тождества импульса. Тщетно мы старались бы приписать жизни какую-нибудь цель в человеческом смысле слова. Ведь говорить о цели – думать о ранее существующей модели, которую нужно только осуществить. Но это в сущности значит предполагать, что все дано, что будущее можно прочесть в настоящем» [5, с. 65–66].

Можно видеть, что, несмотря на обилие авторских «осторожничавших» оговорок, в рисуемой А. Бергсоном картине мира присутствует и гармония, и некое подобие целеполагания.

А. Бергсон был уверен в том, что факт «дления» каждого отдельного живого организма, а также Вселенной в ее целостности является важнейшим фактом эволюции; и по-настоящему, как он считал, человеческий рассудок не способен адекватно отобразить этот факт, потому что как бы фотографически, пунктирно изображает окружающий его мир, то в процессе мышления доминирующим методом должна быть интуиция. Философ писал: «Вследствие видимой отрывочности психической жизни наше внимание направляется на нее посредством ряда отдельных актов, поэтому непрерывная линия психической жизни представляется нам ломаной, подобно ступенькам лестницы» [5, с. 16–17]. Также А. Бергсон считал: «Наша мысль в своей чисто логической форме не способна представить себе действительную природу жизни, глубокий смысл эволюционного движения» [5, с. 8]. В этих словах мыслителя я усматриваю его недовольство рассудком и формальной логикой, подспудное стремление к диалектической, содержательной логике.

К сожалению, А. Бергсону присуще искаженное понимание сути учения Платона об идеях: «Платон первый выставил теорию, что познание действительного состоит в том, чтобы найти его идею, то есть включить его в ранее существовавшую и бывшую в нашем распоряжении категорию, точно мы уже имплицитно обладаем универсальной наукой» [5, с. 63].

Мне кажется, на идею как на общее А. Бергсон смотрит глазами не Платона, а Аристотеля, который тоже так и не смог понять, что его учитель не искал одинаковости во множестве тех или иных вещей, а искал специфическую особенность (сущность, смысл) их бытия, которая, впрочем, не мешала ему объединять эти специфические, то есть имеющие различные эйдосы, вещи в более широкие системы вещей, обладающие общим для всех них эйдосом. Например, всех живых существ Платон стремился рассмотреть не по одинаковому для них признаку, а по специфике их глубинного отличия от неживого. Я уверен в том, что правильно понять специфи-

ку еволюційного процесу, вопреки мнению А. Бергсона, совершенно невозможно без обращения к логике идей Платона. И эту досадную логическую погрешность А. Бергсона, в чем-то не позволившую «философу пойти дальше ученого», увидели и поправили его последователи. В наилучшем виде это было сделано П. Тейяр де Шарденом, которого я, тем не менее, не противопоставляю и другим родоначальникам учения о ноосфере – Э. Леруа и В. Вернадскому.

Литература

1. Хайдеггер М. Вещь / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – С. 316–326.
2. Ивакин А. Чем отличается «эйдос» от «идеи», и зачем это надо знать / А. Ивакин // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии та истории : матер. Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Одеса, 22–23 травня 2015 р.) / за заг. ред. Д. Яковлева. – О. : НУ «Одеська юридична академія», 2015. – С. 94–97.
3. Ожерельев В. Параэкология – ключ к тайне Уробороса : [науч.-популярное изд.] / В. Ожерельев. – К. : ПАРАСФЕРА, 2003. – 100 с.
4. Платон Сочинения : в 3 т. / Платон ; пер. с древнегреч. под ред. А. Лосева. – М. : Мысль, 1968–1973. – Т. 2. – 1970. – 611 с.
5. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – пер. с фр. – Минск : Харвест, 1999. – 1408 с.

Аннотация

Ивакин А. А. Предпосылки и предтечи учения о ноосфере. – Статья.

В статье анализируется ряд предпосылочных по отношению к возникновению учения о ноосфере идей, которые в разное время были высказаны в истории философии. Автор считает, что главными предтечами этого учения в античной философии являются Анаксагор, чье понятие «Нус» (Ум) через многие сотни лет легло в основу самого термина «ноосфера (сфера разума)», и Платон, открывший вечный «мир» идей, а также наличие их субординации. Кроме того, по мнению автора статьи, непосредственное значение для понимания идеального устройства человечества имеет выдвижение и обоснование Платоном понятия «идеальное государство». Более чем через две тысячи лет после времени жизни этих великих философов в результате открытия в биологии процесса направленной и соревновательной эволюции видов создались окончательные предпосылки для создания учения о ноосфере, предварительное и достаточно систематическое изложение которых создатели этого учения (П. Тейяр де Шарден, Э. Леруа и В. Вернадский) нашли для себя в философии А. Бергсона, сумевшего понять, что теория эволюции биологических видов должна рассматриваться в тесной связи с развитием теории человеческого познания природы. Для придания целостности рассматриваемым предпосылкам возникновения учения о ноосфере автор статьи использует свое миропонимание, в частности понимание универсальных причин и сути восхождения сущего от неживого к живому, а затем и к мыслящему.

Ключевые слова: ноосфера, эволюция, Анаксагор, Платон, А. Бергсон.

Анотація

Ивакин О. А. Предумови та предтечі вчення про ноосферу. – Стаття.

У статті аналізується низка передумовних щодо виникнення вчення про ноосферу ідей, які в різні часи були висловлені в історії філософії. Автор вважає, що головними предтечами цього вчення в античній філософії є Анаксагор, чие поняття «Нус» (Розум) через багато сотень років лягло в основу самого терміна «ноосфера (сфера розуму)», і Платон, який відкрив вічний «світ» ідей, а також наявність їх субординації. Крім того, на думку автора статті, безпосереднє значення для розуміння ідеального устрою людства має висування й обґрунтування Платоном поняття «ідеальна держава». Більше ніж через дві тисячі років після часу життя цих великих філософів у результаті відкриття в біології процесу спрямованої та змагальної еволюції видів виникли остаточні передумови для створення вчення про ноосферу, попередній і досить систематичний виклад яких творці цього вчення (П. Тейяр де Шарден, Е. Леруа та В. Вернадський) знайшли для себе у філософії А. Бергсона, який зрозумів, що теорія еволюції біологічних видів повинна розглядатись у тісному зв'язку з розвитком теорії людського пізнання природи. Для надання цілісності передумовам виникнення вчення про ноосферу, що розглядаються, автор статті використовує своє світобачення, зокрема розуміння універсальних причин та суті сходження сущого від неживого до живого, а потім і до мислячого.

Ключові слова: ноосфера, еволюція, Анаксагор, Платон, А. Бергсон.

Summary

Ivakin A. A. Background and forerunner of the doctrine of the noosphere. – Article.

The article analyzes a number of premise, in relation to the emergence of the doctrine of the noosphere, of ideas, which at various times have been made in the history of philosophy. The author believes that the main forerunners of this theory in ancient philosophy are Anaxagoras, whose concept of “Nous” (mind) through many hundreds of years formed the basis of the Chomin “noosphere (sphere of reason)” and Plato, opens eternal “world” of ideas, as well as – the availability of their subordination. In addition, according to the author, the direct importance for the understanding of an ideal human device has a nomination and support of the concept of Plato’s “ideal state”. More than two thousand years after the time of life of these great philosophers, as a result of discoveries in biology process directed and competitive evolution of species create the ultimate prerequisites for the creation of the noosphere doctrine, preliminary and fairly systematic exposition that the creators of this theory (P. Teilhard de Chardin, E. Le Roy and V. Vernadsky) found for themselves in the philosophy of H. Bergson, who was able to understand that the theory of evolution of species must be seen in close connection with the development of human knowledge of nature theory. To give the appearance of integrity Preconditions teachings of the noosphere author uses his understanding of the world and, in particular, – the universal understanding of the causes and nature of ascent from inanimate things to the living, and then to the thinking.

Key words: noosphere, evolution, Anaxagoras, Plato, H. Bergson.